

КОЛОННЫЙ ЗАЛ Другой мир

Фотография на документы, свадебные фото, студенческие гулянки и отдых с родными в жарких и не очень странах...

А среди моего семейного архива еще хранятся фотографии, сделанные на похоронах: близкие у гроба моей тети, умершей девочкой.

Фотографии на памятниках завершают этот круг...

Где-то на большой орбите жизни проплывают выставочные фотографии, а на стенах у сотрудников и знакомых — календари с лошадьми, собачками, цветочками, архитектурными излишествами и пейзажами.

А в шкафах лежат альбомы с репродукциями...

Другой мир. Или все-таки наш мир? Или мир такой, который мы хотели бы сохранить? И в создании которого мы принимаем непосредственное участие?..

Но этот мир — особый, в нем все передано только одним способом — светом. Все, что окружает нас, имеет запах, объем, фактуру, движется, звучит. Фотография все это богатство способна передать только через одну сторону — визуальную. Все это доступно нам через зрение. И фотографы вынуждены искать способы светописью изобразить все.

В самом деле, как передать запах цветов, их бархатистую и шелковистую поверхность лепестков? Как передать звук? Возможно, что у фотографа, так же как и у человека, от природы лишено возможности слышать и говорить, обостряется зрение. Он вынужден искать другие способы для воплощения привычной среды. Те знаки, которые он вводит в фотографии, чтобы передать особен-

ности изображаемых им предметов, явлений, и есть область творчества. Фотограф вынужден изобретать «слова» для изображения фактуры, запаха, движения. В этом смысле каждый фотограф — творец, и мера его таланта — в емкости и выразительности «слов», умении найти визуальные знаки для передачи невидимого смысла и их расположения в тексте фотографии. В доступности знаков для понимания большинством людей лежит, по-видимому, секрет популярности. Отсюда и понятие банальности, когда «слово» становится затертым, автор использует стандартные или широко распространенные приемы, штампы... Когда людей «за уши» тянут к идее снимка, не создавая внутренней логики работы, пренебрегая ритмом и художественными приемами.

Люди осваивают фотографию, как язык.

«Фотограф вынужден изобретать «слова» для изображения фактуры, запаха, движения»

И не беда, что одни в обычной жизни так и не могут связать двух слов, а другие пишут трактаты — язык на то и существует, чтобы объединять необъединяемое. Его знаковая система подчиняет себе участвующих в нем отдельных людей и изменяет их. Знаки берутся из привычных архетипических кладовых, поэтому психолог найдет для себя среди фотографий и фотографов раздолье для работы. А фотографии при этом становятся похожи на капусту: под первым листом с прямым смыслом может прятаться еще один и еще... Поэтому деление на «жанры» — по-моему, поверхностное явление. В любой фиксации прямого смысла может оказаться «еще один лист», где фотография проявится взаимодействием объектов. И не важно, образовался ли другой слой смыслов после долгих усилий фотографа или сложился случайно.

И я все время удивляюсь, как близка фотография — этот последний «великий немой» — музыке. Я видела попытки снимать под музыку, пробовала сама и... не смогла. Мне кажется, музыка должна звучать внутри, тогда она проникает в фотографию через фотографа и подчиняет своим ритмам

изображение. Мне всегда бывает любопытно найти эту музыку в тексте фотографии, как в тексте стихотворения. Музыка прячется где-то там, на грани переходов от темных пятен к светлым. И это становится забавным и немного пугающим: поиск мелодии там, где ее не может быть. И где она есть. И это действительно и волнующе, и необычно, когда на бумаге совершенно чуждыми ей средствами утверждается песня — сплав музыки и стихов, спаянных единым ритмом и смыслом, песня, в которой неотделимы слова от смысла и от мелодии. Песню можно повторять, перепевать, сочинять заново, но она живет, как единый организм. Как и фотография, которая в момент съемки получает шанс выразить ритм, живущий вокруг нас и в нас, преобразовав его в визуальную метафору.

Фотографию называют молодым искусством, но я бы назвала его еще и статистическим искусством. Можно сколько угодно рассуждать о «решающем моменте», чутье и умении видеть, но все это пустые слова, пока нет кадров, пока они не сняты, не отобраны. И в момент съемки, даже когда вот он — кадр — выбран, счастливо совпал, сложился, образовался из ничего, все еще может измениться за все ту же долю секунды. И вот он уже никогда не станет словом, не выразит отчетливо мысль, собьется с ритма... А вот последующий отбор способен беспощадно отмести все, что недостаточно точно, не содержит достаточно содержания, «не звучит». Вот этому-то отбору и следует учиться, прислушиваясь к себе самому: да, нравится, а почему?..

Хотим мы или не хотим того, а всеобщая грамотность повысит планку требований к тексту, и уже мало будет написать «мама мыла раму», чтобы стать классиком. Но на бытовом уровне фотография останется любимой игрушкой по замораживанию времени, чтобы его всегда можно было вернуть назад, прокрутить еще раз, разглядеть пристально... Мы — и есть наши фотографии. Мы просто перетекаем в них постепенно. Еще бы, такой шанс получить бессмертие на всю длину выдержки.

Мне безумно жаль, когда я вижу старые альбомы на свалке... Где люди на выцветавших фото живут, любят... и вдруг исчезли. И все, что осталось от них, — это небольшие кусочки бумаги, на которых они только и существуют теперь. И кто мне сможет доказать, что работы великих фотографов по изменению мира и созданию его в своих выверенных фотографиях имеют большее значение, чем лица, запечатленные неизвестными «кнопконажимателями» на этих мутных, нерезких и однотипных по сюжету изображениях? Во многих случаях это единственное, что доказывает реальность их существования...

У человечества до появления фотографии никогда не было такой мощной возможности документального осознания себя, как отдельных личностей, так и всего себя целиком, как через эти семейные альбомы. И не было такого мощного средства создания иной реальности, как фотография.

Наталья ПУСТЫННИКОВА